

Информант: Чумаченко Клавдия Афанасьевна, 1922 г.р.
Собиратели: Зейналиев Элимдар, Горенштейн Артур

Интервью записано 7.08.2006 в пгт. Раздольное АРКрым.

И: Я Чумаченко Клавдия Афанасьевна, девичья моя фамилия Дробитько Клавдия Афанасьевна. У нас семья была большая, вот, до войны. Ну, пока там колхозы были, все, сразу боялись люди этих колхозов, знаете как, а потом привыкли. И со семьей лучше зарабатывать в колхозе, чем одному, вот. Ну, ходила я в школу, в школу, конечно, я ушла рано. У меня была тетка, в общем, нас, у нашей семьи еще вот до войны интеллигенты есть, вот. Дядя был это, как тогда считался, капрал, а вот тетка, сестра отца, моя тетка, была учительницей, она здесь работала в Старом Крыму. То помню, она к нам приехала в 28-м году, мне было 6 лет, привезла букварь, научила меня буквам. Ну, уехала, отец, значит, научил меня слаживать. Ну осень пришла, мне ж хочется в школу, прихожу, а отец мой работал экспедитором в магазине, и я прихожу, у нас был учитель старенький-старенький по первому классу, звали его по-украински Павло Йохимович Пузанов, старенький-старенький, так голова у него... старенький такой был... Я за парту залезла, сижу, все детей там поприводили постарше, тогда в школу брали с 8-ми лет, а мне 6 исполнилось 31 марта 7-ой год, значит. Вот учитель заходит, а он говорит, а он знал моего отца, потому что школа рядом была с магазином, а он говорит: «А ты чего пришла? Тебе еще рано в школу». – «А я умею читать». – «Как ты умеешь читать? Вот я щас газету покажу», – показывает газету, а я кричу: «Правда!» Он думает, ну вот, но что, газета «Правда» все дети знают. Он, значит, показывает, а я ему давай читать дальше, значит, все прочитала. «А, ну тогда сиди». Отцу стал говорить, отец: «Та пусть ходит»... Ну конечно, я училась неплохо, у меня хорошо получалось, особенно математика и вот русский язык, украинский что-то мне плохо давался, а вот русский мне давался хорошо. Ну я, в общем, догнала всех своих девочек, которые это, осталась из-за немецкого, из-за геометрии в 6-м классе, сидела год, ненавидела немецкий язык. Все было хорошо и вот ходила на консультации, тогда ж не так как щас вот учителя – ой, спишите... – мои ж дети учились, знаю как. Бежить, ото ей надо домой, а там так: сказала оставаться – останься, будь он с тобой 2 часа, но он пока тебе все в голову не вложит, он тебе не выпустит. Ну вот мне геометрия и немецкий язык никак не давался, то возьму, вот это вот понапишю на руках... немецкий чтоб рассказать, писать я там пишу все, письменный ничо, а переводить, я поперевожу, и потом понапишю себе... рассказывать это все не могу. Ну ничего, потом все-таки я сдала, потому что 8 классов закончила... И вы знаете, так у меня эти было, этот, геометрия, немецкий язык задовильно, посредственно, в общем, по-русски. Ну, проучилась 8 классов, пришла работать в степь. У нас сеяли арахис, ну фисташки, у нас назывались фисташки, я пошла до агронома на опытную часть, там, значит, мы сеяли кунжут, арахис, вот здесь продают арахис, я знаю, я прихожу и сразу уже и смотрю, если в магазине есть там это, это вот, например, красный есть, маленький такой в зернах, ну красный, прямо совсем красный, это значит «валентин». Потом есть маленький такой, вроде бледный, это испанский, а уже вот крупный вот такой, розовый, хороший, это уже гибрид, потому что мы же лазим вот это, цветочки эти обрываем, а с этих, значит, соединяем, завязываем этими и, значит, это уже у нас получается гибрид. Это я пойду на... я тогда не покупаю вот эти гибридные или вот этот, покупаю вот эти старые, это самые вкусные это, самые вкусные ягоды, ну, орехи. Ну тут началась война в 41-м году, мне не пришлось учиться, семья была большая. Ну, думаю, ничего, может быть, война кончиться, может быть я, а воно так: вот эти ж фисташки пришлось нам порвать и делать такие вот эти, как они называются, ну как кофточки вот так скручивают... И немцы, было, когда шли на Крым, а нас трактора дорога, вото большие Капани, Рабинский наш,

Цурупинский, щас через Херсон-то идет это, мост, вот, а раньше не было моста. И вот это трактора, дорога идет и немцы то йдут через степь, у нас Капани... идут по-над дорогою, по-над, правда, тогда асфальту не было, была дорога у нас по центру в Рабинском, так така, бутовка, вото знаете, с камушков с таких, и, значит, до конца деревни, а там обратно пески, вот такое вот. И нами приходилось вот в этих песках, немцы було едут, везут и ну все, как говорится, и машины, и там разные всю ерунду. А нас заставляют, дожди, дожди, снега, осень – дожди, зимой – снег, солнце припечет – слякоть, заставляют вот это выгрести по дороге и хмыс, вот как сказать у нас по-украински хмыс называют, ну, мелочи такие, трава, значить, это, застиляем и засыпаем песком. А мы зогорем песка, там у нас вот чугуры такие, и песком засыпаем, чтоб мы, можно было ездить хорошо. А мы с подружкой, две дурочки у нас было, сами, сами старши между молодыми, повыгребаем это вот все, а туда грязи на это, или это было, снегом, накидаем, этим прикроем, этим, хмызом этим, а потом это, песком засыпем. В воны как едут – жу-у-у-х – и всех их в грязи, и облепить. Ну и заметили, проехали, ничо, как-то обошлось. А на второй раз не пришлось обходиться – значит, едет и один спит, вот такие вот погоны у него, а в ней были таки яблоки, фунтовки назывались, как раз яблоко свесишь – ровно 400 грамм – ну их называли фунтовы там. Она говорит, чтоб нам ничего не было, он их щас проскочить, мы скажем, ничего мы не знаем. Она берет это яблоко, прямо кидаем ему в машину и попадает ему прямо вот сюда, так эти очки слетели. ... ой, как начал нас ругать по-немецки! А мы уже знали по-немецки, шо воны ругаются. А она по-немецки хорошо разговаривала, местные плохо, она очень немецкий: «Я не хотела, я хотела подарить тебе это яблоко, я же не думала, что оно тебе попадет...». Он: «Я-я, гут-гу-у-ут!» Ну, с таким глянцем поехал. А потом все-таки нас обнаружили и нас посадили с ней у эту, как ихню говорится, холодную, дали нам стакан воды и сухарик, мы сидели трое суток. Ну нам дали, наверно, суток 10, но наши мамы, как мамы – детей-то жалко своих – начали, мильх насыпали, в общем, молоко, масла, яйца, они любили. Но воны таки немцы, шо можна було нас вырвать оттуда, ну и вырвали, мы оттуда ушли и все уже. Наши мамы нас освободили. Но мы так молили бога, потом еще что у нас было – вы ж предатели у деревне, помню, у нас был Галушко такой, фамилия его... И мы, было, девчонки, а мальчишки по 12, по 13 лет, всех забрали молодых, даже по, 28-й год, все ушли, даже за добровольцев, добровольно поуходили, когда уже уходили. Остались только малыши, старики, слепи, там больни, такие. Ну и мы собирали, значит, мальчишек, девчонок, и в нас ото ж трасса идет, и от этого, например, как бы сказать, проулок такой, перекресток, значит, здесь оставляем пару мальчишек, и двое девчонок. Дальше обратно идет уже это, перекресток, обратно оставляем, и третий, как раз туда уже на Капани уже выходит поля, тогда уже, значит, за этим, за кладбищем. И начинаем – выходила на берег катюша, на крутой – это тут начинаем петь, тут полицаи, здесь немцы, бегут, а тут были таки хрясты, я не знаю, как щас, это не знаю то, на йих таки ягодки, колючие-колючие, у нас тут коло больницы есть, я вспоминаю... и мы туда, в ти колючки. Оны пока до нас добежали, мы уже попрятались, а там начинают петь, пока они туда добежали – там у третьем начинают петь, воны оттуда бегут, и ото ж попрячутся, ищи глаз, кто полезет в колючки, никто же дети, никто же не полезет. Воны, значит, это, назад идут, а мы, а потом начинают и так дальше. Ну, и один раз моя сестра попалась, младшая, вот это Галушко, еще там один, она сидела, а там така вада, ну как бы сказать, поляная, она села вот так вото. Он говорит: «Заберем тебя с собой в участок». Она говорит: «Если подымете», – а она здоровая была девочка. Я сама была сама старша, а сама меньша ростом. И она как вцепилась за себя, вот так вот у ней за руки берут, подымають вдвоем и не подымуть, а она это так вывернется, а они обратно подымають. Кажет: «Як дотащите меня – значит, буду я в участке, не достаче...» Потом ребята на деревьях были и забросали их грушами, и она убежала, а тех ребят уже... и так обошлось. А тут, значить, уже освобождение в 43-м году, все такие довольные, кончается, мы ж, а в Германию ж забирали всех, молодежь, все. Но я, в общем, не пришлось мне попасть, потому что я текала сюда в Крым, тут тетки в

Вишневке, я никогда в Крыму не была, а пришлось пешочком идти по железной дороге. А у нас до войны начали строить железную дорогу в Рабинском, и аж до самого Перекопа, и за Перекоп до воинки. И я решила, значит, это, пройты оце ж сюда, до воинки, пешком. Там дядько стоит, значит, ну вот это, как сказать, стрелочник. Я говорю: «Мне надо Вишневка». Нет, тогда не Вишневка, ну я знаю, теперь Вишневка называется, за этим, за Перекопом. А я говорю: «Мне надо Тархан», – тогда назывался Тархан. А он говорит: «А теперь Вишневка». А я говорю: «А почему Вишневка?» А потому шо там в одних фамилия ходит, ни у кого нету вишни, тока у них вишня. А то, оказывается, моего отца сестра там жила, двоюродни сестры. А я говорю: «Вот мне туда и надо». – «От, як раз», – «каже, до йих и попадешь». А я говорю: «То моя тетка». Ну я, значит, иду на запад, я, значит, туда, на запад, а там как идти. Ну, на восход, тьфу, перепутала, на восход, и говорит: «Колхоз «Восход», и за колхозом «Восходом» будет Вишневка». Пришла, глянула – боже мой! – а в йих эти, как они называются, чехы, думаю, ну, от одних удрала, а до дрих попала. Думаю, кто его знает, как. А там сестренка сидит, а уже старшую сестру и брата уже в Германию угнали. А я думаю – боже, я ж то до вас приехала прятаться. Говорю, вот тетя идет через огороды, смотрит, она ж меня только в детстве видела, а потом посмотрела, каже: «Ой, та я ж узнала тебя, шо ты Фанасьева дочка. Шо ж ты, дочечка, сюда спряталась? Ну ничо, как-то будет». Пережила я месяц, а потом надо домой идти, дома ж не знают, куда делась. Потом там выхо... на поезд цеплялися, там еще девчонка одна тоже была из этого, с Капанив, мы приехали, значит, домой. Вроде, пройшло немножко. Потом обратно начали, я давай в Херсон, с Херсона, в Херсоне дядько жив, мамин брат, там пряталися, и по этим, по плавням пряталися, где мы только не пряталися, вот только чтобы нас в Германию не угнали. Обошло, в 43-м году нашу деревню 7 ноября, на день Октябрьской освободили. Боже мой, и плакали... и радовались, и чо только не было. Потом я через некоторое время получила извещение, колхозы так начались, начали вот, но вот колхозы немцы не разгоняли, а заставляли общиной работать, но мы крали у них и зерно, а это ж фисташки, они ж не сеяли... а эти с фисташками все перетаскали, каждый по домам, ночью идем, через дорогу переходим и через кладбище пошел в поле. А днем же смотрим, если такие, что нету нигде ничего, обратно через кладбище, через дорогу, там где только дорогой сразу огороды-огороды... пошел, вот. Перетаскали это все, сами, значит, ели эти ж фисташки, все. В колхоз, работали в колхозе, работали и своих солдат кормили, зерно сеяли, руками все, пахали, запрягалися. Так вы знаете, я свекрухе начала своей рассказывать, она: «Не может быть, чтобы вы запрягалися у плугы». Я говорю «да», запрягалися, запрягалися, и сзаду, говорю, идуть этот, не плуг, а вот как раньше были, как коза называлися, коза, одноплугный такой вот, это цепляешь несколько человек, тянемся, а тут один человек идет и это все перекапывает. И все сеяли: кукурузу, это, рожь, пшеницу, это все яровое такое, это только одну рожь сеяли осенью, а пшеничку весной... Арахис... сеяли... баштаны, вот эти как, арбузы там таки выращивали все. И тут подошел 46-й год, голодовка. И так погоды булы страшные, ну, пришлось идти в Крым. Я была замужем, у меня ребенок родился в 46-м году, я оставила ребенка тут, сама пешком сюда в Крым. Тут дядьки, дядьки, и тут была эта, был колхоз, рядом щас, называется деревня Чернышево, может слышали, а раньше назывался колхоз «Киров», а деревня называлась Огуз-Оглы, запомните, ребятки, это татарская деревня, а потом она уже стала это. То там не было домиков вот эти вот, татар выселили в 44-м году. А такие вот пооставалися, шо русски там таки. А теперь Чернышева, посмотреть, шо там, постройки какие все. Я не представляла, когда нам показали этот, как его, план и какой будет сад, какой будет деревня, мы сами домики строили. Строили эти домики, все, переселенцев это брали, ездили в Евпаторию, перевозили сюда. Некоторые втекали, некоторые оставалися. В 52-м году я вышла замуж, сюда в Раздольное. За инвалида Отечественной войны, я 6 лет прожила без мужа, боялася вообще выходить замуж. Ну так получилось, не буду рассказывать, такое, знаете. Я с ребенком ушла, это мама там ребенка забрала потом сюда уже в 47-м году, и в 52-м году

мене сын нашел мужа, а себе отца. Мой первый муж был тоже Саша. И вот я возила на полуторке зерно, портовое здесь, по-над морем, показали как, ну и на тракторе работала, всяко было, вот, и в комбайне, в общем, куда Партия посылала, туда, говорю, и ходили работать. На поливных этих огородах все, я помню щас бригадир бежит и это, а я в полях большинство работала, а потом бригадир увидел, ну, в поле было работы, мене послали поливать картошку, он бежит, кулаком машет на меня: «Что ты же ничо там не сделала!?» Я вже 5 соток картошки полила, а он приходит, так глаза... «Ты что!? А откуда ты знала!?» Кажу: «У нас на Украине все поливное». Особенно в Рабинском. У нас вот, у нас лично, у мамы с отцом была машина поливная, запрягали лошадь, еще до коллективизации, была же лошадь тоже... Все-таки больше гектара огорода, половина саду, а то ж все поливалось: и огурцы, помидоры, картошка, первая картошка, вторая, это ж все поливалось, вот. И вот он думал, шо я не знаю, этому меня надо научить. Пока он добежал, а я уже 5 соток картошки полила, вот. И когда я уходила с колхоза, там был это, председатель тада, который меня принимал в колхоз, Дерезов(?) покойный, царство ему небесное, хороший мужик был, вот, и дети его очень хорошие были, уже Жора умер, Леня умер, осталась Валя, дочка, и Лена, а они живут по Гоголя. Та Лена за Масличем замужем, тоже с 28-го года она, вместе в колхозе работали все. И когда я уже вышла замуж сюда, то я уже прожила тут в Раздольном. Работала в больнице, работ не было, я мужу все время говорила: «Саша, ну давай», – говорю – «это, пойдем в колхоз. Там нам домик дадут переселенческим путем!» А родители, здесь отец работал инспектором пожарных частей, и ни в какую, мать, ни в какую не пускают. Его ж привезли в 49-м году на носылках, он не ходил. Он 16 лет ушел на фронт, а потом 2 года на немецком фронте был, а потом попал у это, щас Бишкек называется, а тогда город Фрунзе назывался, Кыргызия, у это, госпиталь, и полгода лежал в госпитале, там его застала победа, вот. Ну, думал, уже все, война кончилась, потом его значит это, тут японцы, в Китае, заворушились, и йих всех, молодежь, на Китай. И там он месяц воевал... там больше не було, то он щас так говорил, а сколько, никогда за Китай нигде ничего було не говорили, только этот вот, и душманы, и это, как его, Афганистан. То говорит – у нас за месяц стоко людей полегло, сколько вот, там оны пробывали, 12 или 11 лет, или 12 лет, не помню, вот. А никогда никто не вспомнил. И 4 года он проходил на китайской границе, где получил самую большую контузию, шо уже никогда не думал. У него было две... в голове, это, позвонок перебитый, но, зато он лечился в этом, во Владивостоке, там, где космонавты лечатся, вот. И по санаториям, в общем, в 47-м году он получил такого себе, а в 48-м его по санаториям кругом, это поделечили, он первый раз приехал сюда в Раздольное до родителей. То мать его, а он матросом, и с одним матросом, зашли в комнату, то то мать не узнала, а Саша говорит, я не мог не сказать, что это ж я, да говорит: «Мама, ты меня что, не узнаешь? Мамочка, ну посмотри, с какой я...» А вона: «Та ты что, сынок, та ты шо», – говорит – «винтовка за это, за тротуар зачипалася?» Он же в Ташкенте жил. А теперь, говорит, вон какой, 5 лет не видела мать, конечно, изменился сын. И потом уехал, уехал, пробыл здесь месяц, вот, в 49-м его комиссовали. И его вот этот вот... болезни, все, по санаториям обратно его начали таскать, но в марте месяце его в 49-м году комиссовали, привезли на носылках матери. Но когда он лечился там, где эти, космонавты лечились, и профессор, значит, его это, уже когда сказал, что надо уже в санатории, все, последние эти анализы, там все, как говорится, последние там документы, шо надо ему, да говорит: «Где ты родился?» А он говорит: «В Самарканде». А этот профессор: «А там нет моря». А он говорит: «Та у меня маленьким отец был военный, отца» – говорит – «послали в это, работать в Ташкент. То я в Ташкенте призывался». А он говорит: «И там моря нет. А где твои родители, в Ташкенте живут?» Он говорит: «Нет, в Раздольном». – «Вот в Раздольный есть, там море, в Крым, будешь ходить». И точно, ходил, сразу устроился на работу, сразу отец возил его на это, на бидарке, что он все время, сказал пить морскую воду, ну щас не попьешь... тебя химией какой хочешь, а тогда вода чистая была. Но он всегда процеживал и всегда пил воду. Так он там почти, и днем, и ночью под столом...

этот, зерно принял, где-то там столова была, пойдет покушает, пока разгрузили, туда-сюда, он позаписывал, и если сделал, вот, и мы там с ним познакомились. Сын мой прицепился до него и говорит: «Как тебя зовут?» Он говорит: «Дядя Саша». – «А ты не мой папка?» А он говорит: «Да не знаю». А он увидел тельняшку да говорит: «Ты мой папка, у папки моего...» А он фотографию видел. «У моего паки тоже», – говорит – «он моряк». Вот, ну, так мы, в 52-м году поженились, поженились, я прожила здесь Раздолном, врачи заезжали всегда, но так мой муж и не дождался квартиры, вот я живу, то все, понятно? Какая обида! Дважды орденосеца, 4 боевых медали, и таких сколько, вынеси показать, тут же, а там все, все оруть это. Так ему 16 лет было! И вот так вот. И мы прожили с ним 51 год. Я вот в 52-м году вышла замуж, ему было 26, мне было 30. И шо я могу сказать, добивался он за квартиру, ходил, а потом пришел и говорит: «Знаешь что, сам не пойду, и ты больше никогда не ходи и не унижайся, потому что нас щас, и щас сколько их в груди себя бьют, что они были на фронтах, что они были здесь...» Тут у нас дед умер... Он шо-то, шо-то не знаю шо, мой пишов туда, в это, до председателя ветеранов и говорит, вот, принес все медали, все, говорит, почему, я все получал, говорит, так, ему даже красноармейская книжка, там написано в красноармейской книжке, нету на замен этой, краснофлотской, не было... инвалидом, там все подписано, где он бывал, где получал, где эти, ну вже после, то тут получал... как его, юбилейные, а то там все, за боевые заслуги там, еще какие-то, я в них не понимаю, ну, а той дед тогда, вызвали его туда, да говорит, шо ж ты на его называешь вот так а так, шо мол это, шо он нигде не воевал и вдруг это. А документы, у его в свидетельстве от Сталина вот такая благодарность, вот, начал с Японии и это, вот эти медали, которые в Японии, никому не вручали, даже вот медали с днем победы над Германией, даже те что санитарки, все-все получали, кто прикасался к этим. Так что приходилось все им это. А уже над Японией тока непосредственно кто был в боях, вот это медали давали. То штабисты как обижались на нас, вот, салаги получали эти... И так я дедушку своего потеряла... осталась одна, дочка у меня на Камчатке, уже 15 лет ее не видела... Тоже муж у нее, военный был, тоже умер, там похоронила. Ей 51 год, уже трижды бабушкой стала. Сама она 3 года служила в армии, вот, старший сержант, э-э-э... старший матрос, тоже во флоте служила, так же как и отец. И отец старший матрос, и дочка...

С: У меня такой вопрос, когда Вы приезжали, вот, а были, убивали немцы людей, расстреливали там?..

И: У нас не было такого, у деревне. Как-то я могу за это сказать вот, шо не было, то я не могу сказать, шо было. Вот так было, шо полицаи над нами больше издевались, чем немцы. Я ж тебе говорю, что яблоком упорола его, и он потом это, она говорит: «Та я ж тебе его дарила, я не хотела», – он по-немецки ему... А так шоб убивали, шоб это, у нас такого не было. А многие рассказывают, что это, вот здесь тоже, мне говорить, в Раздолном это, вот здесь, вот тут подвал, вот это вот, где живуть вот эти вот, времяночка беленькая, там большущий немецкий подвал, вот это дом немецкий, вот полдомика осталось, разломали туда, а это построили дом пионеров, то половину разломали. А это ще катериновский дом, этот немецкий, вот там в подвале то сколько вытягивали этих, когда освободили, уже не помню. Потом вон там шахта была, ну она и щас там шахта, такое, значит, в ту шахту тоже бросали евреев, вот. Ну, видите, я одно выпустила – немцы расстреляли у нас этих, евреев. Но как, мы были в Цурупинске, возили что-то продавать, а оттуда мы стали ехать домой, и между Цурупинском и Сагамы, там Сагы назывались, деревня так и называлась – Сагы, там эти, как бы вам сказать, плавни, река Понка, шла туда дальше на Каховку, а сюда под трассу... То нас не пустили, перегородили там вообще, то мы тока слышали автоматную стрекотню, вот, или пулеметом они расстреливали, или с автоматов, это мы не видели. Но когда они уже все ушли, нам разрешили ехать, то мы остановились, вот такой ров был, ну как бы вот идет эта, соседняя дорога, а здесь это, и туда дальше, то мы ходили, то земля дышала, понимаете, шо были по-моему, люди еще живые, но мы не могли уже, смотрим, все, все. Пока мы доехали, все

остыло. То теперь там и русски были, и евреи были, ну вот там разные были. Потому что мама моя потом говорила, шоб, как же его фамилия, Пашивай(?), вспомнила, он пропал у этому, у 30-м году, это Пашивай. А брат его старший, это старший, а младший брат, забыла уже, как звать его, по-моему Максим, Максим Пашивай, он был коммунист, тоже после этого всего, такой был это... А когда немцы вступили, то вот этот Пашивай Сашка первый у нас вышел на перекрестке и стоять: «Во, дождались!» То брата этого прятали кругом, где могли только, он же остался, был в этом, как по заданию, и все-таки брат его разшукав его где-то как, брат, знаешь, как... подъехал, и брата так же, вместе с этим расстреляли. Он ушел в 30-м году в Германию, или где он был, в общем, шпион был, и прыйшел вместе с ним тогда в деревню. И всех коммунистов, где кто знал, он всех выдал, всех выдал. Так что очень было страшно...

С: А вот когда Вы были в Крыму, тут расстреливали тоже, или там убивали?..

И: Я в 46-м году уже сюда...

С: Нет, вот когда Вы приходили просто сюда, в Вишневку?

И: А, нет, нет, я в Вишневке была, это захоlustье такое, там и немцев мало было, вот это словаки были там и все. То тетка говорила, шо эти люди, говорит, спокойные. Немцы ушли, а словаки, то говорит, шо тока забрали много молодежи в Германию, то их сын и дочка ушли в Германию.

С: А Вы вот говорили, тут шахты, расстреливали евреев, да, там?

И: Ну, туда кидали, говорят, живьем, это старые люди рассказывали, может, они, уже и нету этих, ну как, ихние дети должны быть.

С: А шахты – это вот здесь рядом, да?

И: А это, мотор теперь там это, воду качает, то там шахта была, такая, мотор стоял и то шахта была, в шахту ту бросали...

С: А Вы вот не слышали тут о немецких конюшнях?

И: Нет. Это старые совсем жители, которые старые, здесь которые жили, те могли знать.

С: А вот, где Вы жили вот, сначала там какое в основном население было?

И: В Рабинском?

С: Да.

И: У нас в Рабинском были русские и украинцы, вот, были евреи, но они все акирировались. А одну девушку мы спасли. И так, когда это, уже освободили, и она ушла.

С: А как ее звали, не помните?

И: Помню, что ее звали Наташей, а не помню, как фамилия... Ей было тогда, наверное, лет 17, тоже она убежала оттуда, где расстреливали этих. И как она до нас попала, мы уже, я уже не помню, потому что это, но мы ее все время прятали, мы ее никуда не выпускали. Она так и жила, хоть у нас и немцы стояли часто, и все, но она не похожа была на эту, как бы сказать, на еврейку, а больше была на украинку похожа. Ну, мама говорит: это мои дочери, кому там известно, дочери, нас 4 дочери и это 5-я дочь. Вот так вот.

С: А вот Вы можете описать немцев, в какой они форме были, что-нибудь?..

И: Зеленая форма была, обыкновенная зеленая, прямо зеленая. Эти, как их, гестаповцы носили вот такие бляшки на вот эти вот, спереди, и шлемы на голове. А немцы, обыкновенные солдаты, ходили в пилотках, особенно, но зато зимой завязывали шарфами эти пилотки и сопли текли, привязали и все. А зимы до того ж холодные были, как назло, до того ж холодные зимы! В этих..., в обмотках вот эти солдаты были. Наши... конечно, в сапогах, это, куда уж, в фуражках, но тоже замерзали. Потом забирали у кого попадуть шапку или... натягивали. А румыны противные были, у меня в отца были шапки, все позабирали. У нас отец мой держал это, породистых барашек, которые вот, делают это, каракуль, серый каракуль, черный каракуль, то нам были шубки такие черные, не, черные шубки были, а серые были польта каракулевые. Все немцы забрали... румыны. Эти даже мыла брусок, и то и заберут.

С: А Вы говорили, в Крыму были чехославаки, а у вас в деревне?

И: У нас не було, не было, у нас немцы и румыны были. А это там, у это, Вишневке, вот то Перекопского района. ...как раз попала на них, думаю – вот попала! – щас у меня здесь той этапом погонят, когда обошлось. А потом пришли мы с этой девчонкой у деревню, с Клавой семи лет. Ой, той Клаве попало, мама начала ругать... А потом уже на работы нас стали гонять, а потом уже тут не до нас уже было, уже надо текать было уже, тут Севастополь, это, Новороссийск уже, там давали им притулки, вот. Так шо они начали уже нас не трогать.

С: А вот после войны, когда Вы жили вот уже в Крыму, какие были отношения между вот национальностями, ну, между народами?

И: Ничего, нормальные, я бы сказала, хоть все, многие против Сталина, а я – за Сталина. Я была комсомолка и когда это, вот то немцы пришли, то я под грушей закопала свой комсомольский билет, и мой билет был до 43-го года, до октябрьский закопанный, пока ни освободили. Я его отрыла и пошла у это, в райком комсомола, а у нас райком комсомола был в Цурупинске, это 20 километров. Тогда как, пешком большинство ходили, если есть подвода, то с подводой, если есть машина какая проехала, подвезут. То мне предложили, шоб я стала это, ну в Партию вступила. А я говорю: «Нет, я еще не заслужила». И потом уже я сюда, я здесь комсомолка до 28 лет же комсомол, то я помню, меня на слет послали... с колхоза Кирова в Симферополь на это. И вот девчонки кричать: «Клава, Клава, выходи», – говорит это – «тарелка говорит». Ну тогда эти были, вот эти, как их, репродукторы, тарелками. «Сталин выступает». То я только застала, как он сказал: «До 60-х годов, если мы живы будем, мы хлеб будем кушать почти бесплатно», – вот так. То в нас и получилось так, бесплатно. То ще Хрушев, конечно, нас немножко подпаскудил, из горохов хлеб пек и с кукурузы, вот, так что, а знаешь, и анекдот при Сталину. Это Тарапунька и Штепсель всегда выступали, и вот Штепсель говорит: «Тарапунька, скажи мне, пожалуйста, как ты молоко добываешь?» А оно... «Я колы йду на работу, я вешаю бутон на это, на репродуктор, а с работу иду, уже полный мне молока». Хрушев же выступает: «За молоко! За мясо! Вперед! Передогнать! Перегнать Америку! По молоко!» А он говорит: «Тарапунька, скажи мне, пожалуйста... а на Марсе люди есть?»... «Ну, ты ще, Штепсель, и недоумок якый. Ты подумав бы так – да якбы ж на Марси люды булы, то Сталин бы и туды б допомагав бы». Потому что Сталин кругом помогал. Вот это Куба, он же помогал им, помогал, а теперь неграм помогал – помогал. А кто нам щас помогает, кто, Америка? Рассказывал мой муж, был на это, на границе как раз в 46-м году, как Америка прислалы два этих, парохода продуктов, у нас же голод здесь, и Сталина требовали золотом. А Сталин им ответил: «А у меня золота нет, у меня Россию наполовину восстанавливать, Белоруссию, Украину полностью в Белоруссию». Все ж развалено, все погорело, все, ничего не было. Это надо было нам всем поднимать, это мы молодые были такие, то нам пришлось и камень рыть, и все, и вот это все восстанавливать. А теперь комплексы какие-то построили – что они поделали!? Поразворовали, начальство поворовало. Бабки туда уже едут с колясочками, та вже там шо, остатки забирають, вот, какой комплекс был свиней, комплекс этот, как его... комплекс свиней, комплекс курей, индюков. Да вообще все было! Щас коровы это, едешь уже, там даже нету загонов, все поразграблено, как во время войны, как будто туда бомба упала. Да шо ж это такое! Я вот в это, в ноябре месяце ехала со своей невесткой на Украину в Рабинское, и вот это трасса ведет через Перекоп, через Армянск, и ото все едешь и смотришь – поля позарастали, что, они дерутся, там бьются в этих, парламентах? Мене б дали винтовку, извини за выражение, со всего буду стрелять, повбивала б йих бы всех, честное слово, даже рука б не дрогнула, до одного там, который есть...

...

И: Я вот шо-то не верю – сколько земель, и сколько все это позарастало травой! Вот сколько ехали до самого Рабинска, 150 километром, то редко дэ яки эти, поля засеяни, там засажено... рожь же засеяно, или там этим, пшеничкой засеяно, ячменем, то очень редко, а то ж поля все голые стоят, травой заросшие. Некому, колхозы поразгоняли. Зачем надо

было гонять колхозы!? И студенты приезжали, я работала у колхозе, студенты приезжали, я на сто человек готовила кушать им: и рыбу жарила, и борщи варила, и галушки готовила, все было, вот. Были ребята все довольные, на дворе все спали, это у каждого был свой мешочек, который, летом было хорошо, на степи. И уборка была хорошей. И тут их в Чернышевке все сеяли хлопок один год, но не понравилось. Я же хлопковод сама, пришлось им учиться еще... Вот мне вот это не нравится, шо щас тварится, колхозы поразгонялы, эти, ну как, молока нету, люди там доять, шо оны там сдают, у людей покупают копейками молоко, а продают – куда оно годное, я хоть 5 рублей плачу за бутылек молока, так я ем молоко, а пидешь у магазин купить – шо там за молоко... Что ж они творят!? Наживаются тока и все. И никто в Парламенте не сказав, шо это, та надо ж подумать за людей, надо, шоб у колхозы, шоб эти колхозы укрепить, шоб их, шоб, не... каждый гребет себе землю, на шо ж вона тогда нужна. Бабка старая такая, вся от без зубов, она хватает ту землю, а она мне не нужна, зачем? Шоб кто-то наживался? Я ее отдам у это, в аренду, он мне там копейки заплотить или чо, а я ее не хочу. Аренда арендою... Вы ж обратно работаете на этих, на капиталистов, на капиталистов, даже хуже, чем капиталисты. Вот дед... мой свекор, рассказывал, как он это, с парнем ходыв до помещика наниматься на работу. Так вот... огороду поработаем, все, не нравится, не так плотять, уже плотять все, а там был у них в Сталинградской области чи, я вже забыла, в какой области, вот знаете, фамилия Шереметьев, это этот, порт есть, это князь был. Это свекор мой в этого князя, ну вже не в князя он работал, князи все где-то по городам там или где, это, а там были, ну как это говорится, управляющие, то каже, вот это действительно, говорит, нас было оплотят, как надо. Еще, говорит, деньги даст на сапоги нам, шоб мы как молодежь... Свекор мой с 1897-го года, он же в то время при царе ж не молодой был, вот. Так что, а теперь что, а теперь все миллиардеры там сидят. Вот самый отой, как его... он же самый богатый, сколько у него, я в газете читала, то сколько у него это, и дочка, и сын же, там кто, у него все богатые такие, самый богатый у этому Парламенте, самый миллиардер. Чего ж он лезет туда!? И все бизнесмены! И никто не сказал, шо, за народ, кроме того, шо Витренчиха там ото ще крычыть, это, Симоненко, коммунисты. Но шо я читала в газете, шо само меньше истратили Витренчиха, коммунисты, газет я их не получала, а вот у меня там Путин, лежать этого, как его, Ющенко, потом еще это. А Януковича газет тоже почти не было... Ато, або вот в этой, Крымской этой, как ее... Куницын – куда ж он лезет!? Это ж бабку эту подкупил, шоб она его обнимала, а этот Куницын, этого еще с дедом знаем хорошо. Жил он в Перекопе, вот. Когда пошла прихватизация, приватизация эта, да, он закупил там голов сколько себе, продал их, купил себе в Симферополе дом, а теперь там його какая эта, сказочный этот... коттеджи... Вот теперь у него пожалуйста, харю свою наел он какую. Чо он, он ест то, что я ем, а? Я вон сэкономил на уголь, я еще углем топлю, а тут зима эта, тока выкупила, а Ющенко забрав деньги, дал это, в прошлом году не пришлось даже за 50 процентов купить себе уголь. Мы хоть с дедом жили, так деду ще хоть давали полторы тонны угля бесплатно, 75 КВт света бесплатно, ну и если там есть, когда газ то дадут... У меня на улице газовая плита. Такая, насобираю всякой бяки, наварю и наготовлю плова и там голубцов или еще чего. А потом все выхоложу, в холодильник поставлю на целую неделю, потому что мясо дорого и все, попробуй. То теперь выкупила той уголь, мне обошелся 600 с чем-то рублей, а шо я получала, 200 с чем-то рублей. Потом уже то Янукович нам хоть добавил по 300 с чем-то, но я, правда, за деда и получаю там это, за награды, за эти, за медали не дают вот, потому что это его кровное, это если б он живой был... А щас бы живой был бы – щас тысячу получал. Щас бы он, я 70 процентов получаю, и только за эти, за ордена, а ему б платили-то полностью. Вот, у його орден Отечественной войны с позолотой первой степени и этот, как его, орден мужества и потом за боевые заслуги серебряная такая. Та вообще я их там не понимаю. Дочка все чтоб я сберегла, так я отнесла б до невестки... общий дом... позабирають все... Как я могу их сохранить дочке, когда на Камчатке, не может приехать. Тоже на пенсию ушла, а мужа

нету, у девочки, у дочки в ней трое детей, дача, попробуй. Хорошо, что она сама живет такая, зажитная. Но она у нас училась все, она закончила высшее образование, я горбом сама. Еще там у ней на даче все удивляются, шо в ней все растет. Воны в... когда жили, в Латвии, так все время...